

РЕФЛЕКСИИ

Конференция «Русская литературная классика сегодня: испытания/вызовы мессианизма и массовой культуры» (Институт литературы Болгарской Академии наук, София, 23-25 мая 2013 года)

1. Вступительные заметки с точки зрения организаторов

Организаторы (Йордан Люцканов, Радостин Русев, Христо Манолакев) попытались найти смысл в промежуточной, между Россией и Западом, позиции болгарской русистики, надеясь на резонанс не только в России и на Западе, но и в странах Юго-Восточной и «Восточно-Центральной» Европы, по большому счету похожих на Болгарию.

Трудно не заподозрить здесь проекции на «объект» условий своего собственного существования. А также трудно не признать, что удачный выбор ненадуманного «объекта» укоренен во вне-ситуационной промежуточности, или даже маргинальности, позиции выбравших его.

Перефокусируясь на «объект», можно сказать, что мы были озабочены не только и не столько изменившимся статусом русской литературной классики в постсоветской России и посткоммунистической Восточной Европе, сколько изменившимся статусом академического литературоведения. Не только падением престижности литературы и литературоведения, но и релятивизацией истины (не интеллигентской ли позднесоветской эпохи?) о должной автономности искусства и науки. Сетовать по поводу ушедшего казалось, конечно, непродуктивным, а радоваться настоящему не находили достаточно оснований.

Пытаясь понять свою и своих хронологических современников не-уникальность — мы предложили своим коллегам и попытались очертить некие предыдущие «диспозиции», обрекающие власть, литературу и литературоведение, рынок на взаимодействие.

Короче, мы надеялись вывести «портреты» продуктивной промежуточности литературы и литературоведения из опыта российской современности, а также из опыта *внеположенных ей окраин*, аналогов и предвосхищений (эмигрантских, «ближнезарубежных», подсоветских).

Наши исследовательские и «менеджерские» (менеджеров от науки) надежды и наш вызов русистской коллегии вылились в громоздкий коллективный манифест, распространяемый эпистолярно, затем сузились до объявления, опубликованного на

«Рутении» и других сайтах, наконец дошли до минимализма сортировки докладов и композиционного решения такого своего рода хэппенинга, как конференция.

Некоторые (под)темы поставить на обсуждение не удалось: например, инструментализацию не православия, а мультикультурализма, в целях легитимации российской государственности и сотворения новой российской идентичности и возможность давления на литературу/литературоведение как раз с этой позиции. (Нам не удалось также понять, слабосильна ли идеология мультикультурализма в поле российской культуры или малозаметна с точки зрения российского литературоведения). А другие (под)темы не были удостоены того (в количественном отношении) внимания, на которое мы надеялись: литературоведческая авторефлексия.

Что касается статуса классической литературы и академического литературоведения, мы давали себе отчета в удобоприменимости теории поля культурного производства Пьера Бурдьё. Постепенно мы пришли к выводу о принципиальной значимости трех факторов гетерономии, или трех агентов/агентов покушения на автономию литературы и литературоведения: рынка, власти и параллельного (художественного) дискурса, притязующего на гегемонию или хотя бы доминацию. Применительно к концу XX-го и началу XXI-го веков, такового кандидата в гегемоны можно узнать, прежде всего, в телевидении и в кино. Что касается «покушения» на «автономию», мы — равно как и другие участники конференции, о чем можно судить хотя бы из части докладов — постарались не забыть и об исторической подвижности автономии поля литературы, и о небеспредпосылочности веры в должную автономию и в последнюю утонченность литературы и литературоведения, и о возможности конверсировать эту веру в предмет купли-продажи.

Постепенно выяснялось, что писательскому и литературоведческому притязанию на автономию и соответствующему этому притязанию самосознанию можно примерить конкретный мировоззренческий и философский «изм», а именно — персонализм. Мы искушались догадкой, что персонализм — имманантное для полей литературы и гуманитаристики философское исповедание. Но в рамках обсуждений вынести свою догадку на суд участников не удалось.

Предложения о докладах были распределены в несколько тематических групп. В рамках первого дня были прочитаны доклады по темам «Канонизация, деканонизация, реканонизация писательства и литературы в современной России»; «Как современная литература пользуется классической литературой»; «С тех берегов: русская классическая литература между рынком и государством в 1930-е годы, преимущественно в эмиграции»

(слово «преимущественно» оказалось лишним). Рабочий день кончился презентацией новых болгарских книг об эмиграции первой волны. В рамках второго дня, Дня славянской письменности и культуры, были прочитаны доклады по теме «Мессианизм и классическая литература». Участникам была раздана распечатка небольшого эссе Христо Манолакева на тему праздника и его смысла для формирования новоболгарской идентичности. Участникам было устроено испытание музыкой — они прослушали болгарский гимн святым братьям Кириллу и Мефодию, созданный в конце XIX века (стихи Стояна Михайловского, музыка Панайота Пипкова), а после того чех Томаш Гланц полу-прочитал, полу-сымпровизировал небольшую лекцию на тему сотворения славянства и славянской взаимности путем «метанойи». Третий день был самым тяжелым: «В состоянии ли современное литературоведение рассмотреть и осмыслить собственные предпосылки в подходе к классической литературе?»; «Русская классическая литература в интертексте современной зарубежной литературы»; «Как кино пользуется классической литературой?»; «Сфокусирован ли современный медиацентризм, подобно традиционному литературоцентризму, на персоне автора?».

Й. Люцканов

2. Размышления о пользе конференции для исследователя современной литературы

Конференция в Софии оказалась интереснее как раз в том аспекте, который не акцентирован в названии «Русская классическая литература сегодня: испытания/вызовы мессианизма и массовой культуры» — в аспекте роли канона в развитии литературы и искусства в целом. Безусловно, важная задача литературоведения — описание состояния художественной словесности в современной социокультурной ситуации, фиксация и типологизация реального состояния феноменов искусства вне их оценки. Однако, находясь внутри литературного процесса, исследователь неизбежно начинает занимать оценочную позицию, позицию критика, а не исследователя. Эта позиция была заметна во многих докладах, ставивших конкретные проблемы воздействия массовой литературы на художественный процесс в современной культуре, особенно в докладах, исследующих «использование» литературы в массовых кино- и телеформах (сериалах). *Кажется, такая охранительная позиция выдаёт мессианистские представления литературоведов о статусе словесного искусства среди искусств, а в частности — о статусе классической литературы в современной литературе и современном искусстве. Констатация кризиса высокого статуса литера-*

туры справедлива и соответствует современной социокультурной ситуации, однако *научное понимание момента предполагает более универсальную позицию: знание всей глубины истории* развития культуры и словесности. Глубокая перспектива убеждает, во-первых, что канон всегда подвергается «переписыванию», перекодировке на язык читателя, на уровень его понимания, на коды той культуры, которая господствует в определённое время, а затем меняется. Даже канонизированные сакральные тексты транспонировались в массовой культуре в вертепные представления (аналог современных телесериалов), во множество вариантов житийных сюжетов, в контаминацию канонических образов и т.п. Во-вторых, сам канон меняется даже внутри традиции, в канонический ряд классических, то есть образцовых, произведений включаются новые образцы, из этого ряда исключаются (намеренно или незаметно) прежние почитаемые тексты в связи либо с историческими изменениями смысловых ценностей, либо с изменением художественного языка. В-третьих, канон и ряд классических форм меняются в эпохи социальных и культурных сломов, ведущих к смене религиозной или, как в современную эпоху, цивилизационной парадигмы. Очевидно, что слово в древние эпохи синкретического искусства потеснило визуальные и аудиальные формы, чему способствовала письменность, фиксирующая авторский текст, а не исполнение некоего инварианта текста. Современная информационная революция вернулась к визуальным и аудиальным формам, превращая слово в условный «сценарий» для разной интерпретации, подобно нотной записи, неспособной установить даже заявленные темп, тембр и прочие способы извлечения звука и смысла. В ситуации, называемой некоторыми исследователями «новой первобытной культурой», статус классики и канона меняется, существование художественного феномена определяется его функционированием, трансляцией в последующих культурных эпохах и интерпретациях. Более глобален, нов и актуален четвёртый аспект проблемы существования классики и канона — разрушение традиции, вызванное глобализацией человеческой цивилизации, то, что констатировали сторонники мультикультурализма. Контаминация канонов внутри одной традиции не разрушает культурные коды, как речевые варианты (дискурсы) не разрушают языка (структурные законы мышления). Иное при смешении разных «языков», культурных законов, когда возникает не вариативное, а дезориентированное видение мира.

Конференция в Софии показывает, что *разговор о судьбе классики должен быть продолжен, чтобы не ограничивать его современной ситуацией*, чтобы не ограничивать его «дурным» влиянием массовой культуры, а развернуть к проблеме высокой и истинно художественной литературы (которая представлена и беллетристикой в позитивном смысле термина). Сами художники, не только под влиянием читательского «спроса» или соци-

ального «заказа», но и по законам неизбежного использования предшествовавшего художественного языка, «переписывают» классические образцы в разных целях: учёбы, но и пародирования, то есть низвержения канона (напомним только имена признанных классиков Шекспира и Пушкина). И в современной русской литературе обнаруживаются не только формы профанации классики под влиянием культуры потребления, не только паразитирование на классике ради успеха нового автора, но и формы диалога с классикой, интерпретации классики, подразумевающих достойный спор современника с предшественниками. Нужно признавать право не на поклонение, а на поиск смыслов и на несогласие.

Конференция поставила и собственно литературоведческие, методологические проблемы. Эта постановка проблемы (например, Т. Гланцем), что канон делают не только читатели, не только художники, но и литературоведы, заставляет вернуться и к идее ответственности филологов за судьбу классики, и к идее опасности мессианской позиции учёного, живущего в пространстве собственных ценностей и не способного по этой причине объяснить реальные механизмы функционирования классики в любую и, в частности, в современную эпоху.

Т. Л. Рыбальченко

3. Соображения преимущественно по дискуссии об экранизации классики

В рамках состоявшейся на конференции дискуссии о проблемах экранизации русской классики выявилось два подхода.

С одной стороны, это попытки *семиоэстетического* анализа, связанные с разработкой языка сравнительного исследования кино и литературного текстов, с уточнением научно-терминологического аппарата, систематизацией представлений о способах и приемах визуальной перекодировки литературного источника. В этой связи хотелось бы отметить интересные замечания Л. Кузнецовой о путях и формах визуализации житийного канона в современном российском артхаусном кино, детальные наблюдения над поэтикой кинотекста в докладе А. Меньшиковой — эффект «наложения хронотопов», способы визуализации метафоры, приемы эмоционального монтажа как попытки кинопроекции поэтического дискурса.

С другой стороны, давал о себе знать и менее актуальный на сегодняшний день в науке — *социологизированный* подход к проблеме интерпретации литературного текста. Подобный взгляд в большей степени акцентирует идеологическую мотивацию и общественный резонанс состоявшегося кино события, нежели эстетическую природу эксплици-

рованного в нем художественного диалога. При всей несомненной важности анализа статистических данных, опросов общественного мнения и т. д. нельзя не отметить, что базирующиеся исключительно на такой основе концептуальные суждения о закономерностях развития национального художественного сознания, об эстетическом своеобразии замысла и почерка режиссера, а также, любые другие профессиональные суждения о качестве экранной интерпретации неизбежно страдают односторонностью. Они носят, скорее, «вкусовой» характер, явно нуждаясь в дополнительной эстетической аргументации, построенной на исследовании собственно художественных закономерностей и приемов визуализации литературного первоисточника (креативных и коммуникативных стратегий текста, принципов режиссуры, актерского мастерства и т. д.).

В общетеоретическом и методологическом плане наибольший интерес вызвали доклады: 1) Т. Гланца — развитие идеи необходимости «новых точек опоры», новой аксиологии, сменяющей эпоху «смерти автора»; концепция «транснациональной» природы нового литературного канона и необходимости поиска соответствующих способов освоения чужого культурного опыта; 2) Х. Манолакева — размышления о кризисе национального канона русской классической литературы и попытках его восстановления за счет идеологической смены интерпретационного кода (от марксистско-ленинского — к церковно-православному); 3) М. Литовской — о формах и результатах легитимизации массовой литературы в современном российском школьном и вузовском образовании.

Безусловным достоинством состоявшейся конференции является широта и разнообразие затронутых на ней проблем, объединенных единой научной концепцией. Остается только еще раз поблагодарить организаторов за хронометрическую четкость проведения заседаний, позволившую (вне секционного разделения) выслушать выступления всех участников.

О. В. Черкезова

4. Общее впечатление о конференции

В ходе конференции обсуждались две взаимосвязанные проблемы: динамика функционирования классического канона и влияние массового искусства на модификацию канона классической литературы. Томаш Гланц заострил теоретические аспекты проблемы общественного функционирования канона; наиболее продуктивными видятся изложенные докладчиком идеи транснационального и персонального канона, а также обозначенные тенденции использования канона в современной литературе. Впрочем, по мнению иссле-

дователя, термин «канон» применительно к актуальной литературе является метафорой. Радостин Русев сопоставил формы и результаты давления на писателя со стороны тоталитарного государства и со стороны сегодняшнего рыночного общества и информационных технологий. В докладах участников конференции обозначились два взгляда на бытование классического канона в современной литературе: недопустимость деконструкции классического канона и принятие игровой трансформации канона в современной литературе (поскольку «карнавализация» канона позволяет развести понятия авторитета и авторитарности). *Впрочем, доклад Т. Кругловой продемонстрировал «усреднение» канона в условиях реставрационного поворота в культурной жизни России последних лет, что приводит к семантической неопределенности и тривиальности произведений.*

Очень интересным показался блок докладов, связанных с функционированием канона русской классики в литературах Болгарии, Грузии, Литвы. По-своему механизм адаптации классического канона в массовом искусстве был раскрыт в докладах, посвященных опытам экранизации классики, оцененных участниками конференции весьма неоднозначно.

Несмотря на то, что почти в каждом докладе звучало определение классики или канона, *разговор об «относительности» этого термина так и не состоялся.* По умолчанию было принято определение классического канона как корпуса «образцовых» текстов, однако в действительности с ним не все ясно, поскольку любой канон предполагает наличие ядра и периферии – порой довольно размытой. Выступления обошли стороной дискуссию о текстах, включаемых в «русский канон» (в том числе, о текстах XX века). И в докладах, и в дискуссиях речь шла в основном о «центральных авторах», чьи имена были обозначены в открывающем конференцию выступлении М. Тимофеева. *Почти не обсуждались внеэстетические факторы, оказывающие влияние на формирование и изменение канона, т.е. разговор не перешел в «социологическое» измерение, хотя в нем разработка проблемы канона могла бы оказаться не менее продуктивной.*

В целом, конференция была плодотворной, заострила ряд теоретических и историко-литературных проблем, связанных с жизнью литературного канона. Вероятно, дальнейшая научная разработка проблемы классического канона в современном социокультурном контексте позволит обрисовать *контуры той «невидимой руки»* (по выражению Т. Гланца), *которая формирует канон, лежащий в основании «этнопоэтики» и системы ценностных ориентаций.*

АННОТАЦИИ

Гренбецка З. Чёрная «Волга» и голые негритянки: современные мифы, городские легенды и слухи о временах Польской Народной Республики

Ключевые слова: Польская Народная Республика, городские истории, мифология, посткоммунизм, Легница, Варшава, Смоленск, польско-советские отношения, польско-российские отношения.

В статье анализируются городские истории, мифы, легенды и слухи Польши времён коммунистического режима (касающиеся, в частности, польско-советских отношений) на примере Варшавы и Легницы, а также слухи, возникшие в результате катастрофы польского самолёта под Смоленском 10 апреля 2010 года.

Афанасьев О.Е., Троценко А.В. Категория «легендарный город» и ее функции для геоисторического региона (на примере Днепровского Надпорожья).

Ключевые слова: легендарное пространство, легендарный ландшафт, легендарный город, ментально-семиотические системы, Днепровское Надпорожье.

Рассмотрены категории «легендарное пространство», «легендарный ландшафт» и «легендарный город» как объекты научного интереса культурной и гуманитарной географии. Приводится авторская классификация «легендарных пространств» с примерами из геоисторического региона «Днепровское Надпорожье». Очерчена проблематика информационной достоверности категорий «легендарный город» и «легендарное пространство», определены функции и значимость «легендарных городов» для геоисторических регионов. Выделены два вида «легендарных пространств» или ментально-семиотических систем. Под «легендарными городами» предложено понимать исторически известные, упоминаемые в тех или иных первоисточниках, но достоверно не локализованные и не идентифицированные на местности населенные пункты, обладавшие исключительной значимостью в прошлом и, как следствие, получившие устойчивую фиксацию в исторической памяти населения. Описаны научные представления о вероятностных локализациях ряда легендарных городов Днепровского Надпорожья.